

Языковое мастерство Л. Н. Толстого: к 195-летию со дня рождения писателя

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 206–214.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 3 (15). P. 206–214.

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-206-214>

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ (АНТРОПОНИМЫ) В РАССКАЗЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ФАЛЬШИВЫЙ КУПОН»

*Дмитрий Анатольевич
Романов*

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, kafrus@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9650-3408>

Аннотация. В статье рассматривается система личных имен, разработанная Л. Н. Толстым для одного из ключевых рассказов «позднего» творчества. Они исследуются на стыке внутреннего и внешнего (так называемого «вертикального») контекстов произведения. Учитывается непосредственное лексическое (антропонимическое) оформление композиции, эволюция творческого замысла писателя, его параллельная работа над другими текстами. К исследованию семантики антропонимических лексем привлекаются данные актуальной для первой четверти XXI века и современной Толстому лексикографии. Трактовка имен собственных дается с опорой на мировоззрение автора, нашедшее отражение в его публицистике, дневниках, эпистолярном наследии, записанных современниками высказываниях, воспоминаниях родственников и т.д.

Ассоциативные связи антропонимов с явлениями действительности, историческими событиями, поступками и судьбами политических, церковных, легендарных личностей и т.п. мотивируются достоверными сведениями из творческой истории произведения и других работ автора позднего периода (1890-х – 1900-х гг.). Отмечаются семантические связи антропонимов рассказа «Фальшивый купон» с прецедентными именами собственными, а также с апеллятивами иноязычного, диалектного и просторечного характера.

Семантика антропонимов толстовского текста и аллюзии, выстраивающиеся на их основе, получают объяснение на базе классических трактовок отечественной школы изучения онимов (В. А. Никонов), а также подходов текстологической школы В. П. Григорьева, разработанных в Отделе корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Л. И. Колодяжная, Л. Л. Шестакова, Н. А. Фатеева).

Выводы носят гипотетический, а не абсолютный характер. Они могут быть полезны для современного лингвистического и литературоведческого толстоведения, имеющего достаточно дифференцированную, но широкую научную плоскость.

Ключевые слова: текст, имя собственное, антропоним, семантика, этимология, аллюзии, контекст.

Для цитирования: Романов Д. А. Имена собственные (антропонимы) в рассказе Л. Н. Толстого «Фальшивый купон» // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 206–214. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-206-214>

Сведения об авторе: Д. А. Романов – профессор, доктор филологических наук, руководитель Центра русского языка и региональных лингвистических исследований, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

© Романов Д. А., 2023

Scientific Article
UDC 811.161.1
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-206-214>

PROPER NAMES (ANTHROPONYMS) IN LEO TOLSTOY'S STORY «THE FORGED COUPON»

Dmitry A. Romanov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, kafrus@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9650-3408>

Abstract. The article deals with the system of personal names created by Leo Tolstoy for one of his key stories of the "late" period. The study of onyms takes place at the intersection of the internal and external ("vertical") contexts of the work. The direct lexical (anthroponymic) design of the composition, the evolution of the writer's creative idea, and his parallel work on other texts are considered. The study of the semantics of anthroponymic lexemes involves the use of data from lexicography relevant to the first quarter of the 21st century and contemporary to Tolstoy. The interpretation of proper names is based on the author's worldview, reflected in his publicism, diaries, epistolary heritage, statements written by contemporaries, etc.

Associative connections of anthroponyms with phenomena of reality, historical events, actions and destinies of political, church, legendary personalities, etc. motivated by reliable information from the creative history of the work and other works of the author of the late period (1890s – 1900s). The semantic connections of anthroponyms in the story "The Forged Coupon" with precedent proper names, as well as with appellatives of a foreign language, dialect and vernacular nature are noted.

The semantics of anthroponyms in Tolstoy's text and the allusions built on their basis are explained on the basis of classical interpretations of the Russian school of onym studies (V. A. Nikonov), as well as approaches of V. P. Grigoriev's textological school, developed in the Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics of the Federal State Budgetary Scientific Institution V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (L. I. Kolodyazhnaya, L. L. Shestakova, N. A. Fateeva).

The conclusions are hypothetical, not absolute. They can be useful for modern linguistic and literary Tolstoy studies, which have a rather differentiated but broad scientific area.

Keywords: text, proper name, anthroponym, semantics, etymology, allusions, context.

For citation: Romanov, DA 2023, 'Proper Names (Anthroponyms) in Leo Tolstoy's Story «The Forged Coupon»', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (15), pp. 206–214, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-206-214> (in Russ.)

Information about the Author: *Dmitry A. Romanov* – Professor, Doctor of Science (Philology), Head of the Center for the Russian Language and Regional Linguistic Studies, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

Введение

В большинстве художественных произведений имена собственные составляют своеобразный, как правило, небольшой по объему, но весьма значимый для понимания идей и авторского замысла пласт лексики. Разумеется, избирая для своих героев имена и фамилии, авторы руководствуются определенными принципами и ориентируются на общую содержательную структуру задуманного художественного целого. Происходит это в то время, когда произведение только задумывается, осмысливается писателем в общих контурах. Можно предположить, что на этапе развернутого художественного замысла намечаются и основные антропонимы (об этом свидетельствуют дошедшие до нас письма, дневниковые записи, заметки различных писателей, предшествующие непосредственной работе над литературным текстом). Как показывают подобные материалы, антропонимы затем могут существенно измениться или видоизмениться. Вспомним, например, как долго выкристаллизовывались у Л. Н. Толстого фамилии действующих лиц «Войны и мира» и «Анны Карениной».

Сама антропонимическая система (как сущность с многочисленными внутренними связями и зависимостями) возникает только в процессе создания текста и, отталкиваясь от первоначального замысла, начинает формироваться уже в ходе регулярной поступательной работы над литературным произведением. Так происходит почти с каждым крупным художественным творением.

Разумеется, в литературном тексте могут быть не только антропонимические онимы, но и другие имена собственные. Подчас они не менее важны, чем имена персонажей (вспомним, например, роль топонимов в рассказе И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» или в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», значение названий музыкальных произведений для маленькой трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери» или повести А. И. Куприна «Гранатовый браслет»).

Материалы и методы

Рассказ, который лег в основу настоящего исследования, интересен в первую очередь именами своих героев. На это с той или иной степенью подробности уже указывалось: [9; 10; 12].

Л. Н. Толстой создавал «Фальшивый купон» на протяжении длительного времени (с 1880-х гг. до 1904 г.) с большими перерывами и не успел окончательно отредактировать [1, с. 498]. Едва ли писатель изначально «видел» каждое имя, в полном объеме прогнозировал его смысловую нагрузку, ориентированную на то, чтобы «вмонтировать» оним в художественное целое. Но всякий раз, добавляя что-либо к своему первоначальному замыслу, развивая его, писатель включал в текст и какие-либо новые «задумки», связанные с антропонимами. О важности для Толстого выбора антропонима и художественной нагруженности именованного действующих лиц «Фальшивого купона» свидетельствуют отдельные разночтения в назывании одного и того же героя в первой и во второй частях повествования, не устраненные по причине того, что автор окончательно не отредактировал текст. За каждым таким разночтением можно увидеть след авторской трактовки характера, попытки воплотить определенный человеческий тип (или выделить типичную деталь поведения представителя определенного социального сословия, группы людей и т.д.). Так, гимназического законоучителя Толстой именуется сначала отцом *Михилом*, затем указывает, что при постриге герой выбирает себе новое имя – более звучное и церковно-исторически «нагруженное», претенциозное – *Мисаил*, а ближе к финалу вновь именуется его *Михилом* в должности настоятеля и коменданта Суздальского монастыря, куда для «исправления» сослан праведный отец Исидор [5, с. 380].

Результаты и их обсуждение

Нужно заметить, что оценка имен собственных читателями художественных произведений подчас не совпадает с их пониманием автором. Причина этого в том,

что данный класс слов литературного текста – поле самых широких ассоциаций, которые могут сильно отличаться у автора и читателей. К тому же у читателей любого нового поколения такое ассоциативное поле способно существенно трансформироваться. Именно поэтому имена собственные в литературных произведениях как бы живут еще одной, дополнительной жизнью по сравнению с основным текстом, причем жизнь эта приобретает новые и теряет былые черты с течением времени. О «подвижности смысловых границ» имени собственного в художественном тексте специалисты говорят достаточно давно (см., например: [4, с. 5]). Структуральные и постмодернистские концепции текста предполагают существование за именами собственными (в том числе антропонимами) наиболее обширных аллюзивных полей [7; 3].

Обрамлением композиции «Фальшивого купона» является история отца и сына *Смоковниковых*. Разумеется, фамилия совершенно не случайна для Толстого и для данного художественного произведения. В первую очередь здесь интересны ассоциативные связи с другими текстами писателя. В частности, в «Исповеди», когда иллюстрируя возможности выбора жизненного пути человеком, Л. Н. Толстой воспроизводит индийскую притчу о путнике, упавшем в яму, на дне которой шипит клубок змей. В последний момент путник хватается за ветку смоковницы, растущей на краю ямы, и, находясь в подвешенном состоянии, видит, что корни дерева подрывают мыши. Дальнейший сюжет притчи изображает три вероятных выхода из этой ситуации, которые метафорически воплощают три типа человеческой жизни: разжать кулаки и упасть, погибнуть (самоубийство); изо всей силы пытаться карабкаться вверх (борьба) или же, позабыв обо всем, открыть рот и глотать нектар, падающий со смоковых ягод (наслаждение). Известно, что эта притча долгое время была для Л. Н. Толстого источником непростых размышлений и многие его герои своей судьбой иллюстрируют обозначенные пути. Так, Стива Облонский из «Анны Карениной» – типичный представитель человека наслаждающегося, а Константин Левин – человек борьбы и долга. Само слово *смоковница* для Л. Н. Толстого ассоциировалось с сибаритством, забвением трудов и мирских забот.

Вполне очевидно, что герои «Фальшивого купона» Смоковниковы в определенном смысле тоже избирают путь наслаждения, только для отца – это наслаждение своим высоким чиновным положением, авторитетом и блеском развитого интеллекта. А для сына – наслаждение рангом ниже: в детстве – материальными возможностями отпрыска обеспеченных родителей, а в зрелые годы – бытовым комфортом и сытой, спокойной жизнью. Правда, следует обратить внимание, что путь наслаждения в «Фальшивом купоне» прерывается естественным образом, поскольку Митя Смоковников под влиянием проповедей Степана переосмысливает свое существование, изменяет отношение к жизни и, следовательно, по-иному начинает общаться со своим отцом. То есть в развитии данной линии рассказа Л. Н. Толстой идет дальше, чем это было в его предшествующих произведениях. Идея раскаяния, обретения подлинного смысла жизни для «позднего» Толстого была особенно дорога.

Видимо, неслучайно старшего Смоковникова зовут *Федор Михайлович*. Это показательное имя-отчество ассоциируется у многих с русским писателем Достоевским, который был, как известно, во многих идеях противником Л. Н. Толстого. В частности, Достоевский довольно много в «Дневнике писателя» (июль – август 1877 г.) оспаривал мысли, высказанные Л. Н. Толстым в «Анне Карениной», в том числе и идеи о выборе определенного жизненного пути. Не исключено, что Л. Н. Толстой называет Смоковникова-старшего именем-отчеством Достоевского потому, что его умозрительно рассчитанный жизненный путь и принципиально интеллектуальное отноше-

ние к общественному устройству, религии, месту человека в мире и проч. ассоциативно связывались у Л. Н. Толстого с размышлениями Достоевского (в том числе и теми, которые были изложены в «Дневнике писателя»).

Многие имена собственные и фамилии, что вполне естественно для образованного человека XIX в., ассоциировались у Толстого с древней и церковной историей. Некоторые имели отчетливые диалектные и просторечные языковые связи (как правило, окрашенные экспрессией). Отдельные истолковывались личными авторскими ассоциациями, так или иначе проявленными и в других произведениях писателя. Разумеется, то, о чем мы будем говорить дальше, носит предположительный характер, но вполне допустимо и по кругу интересов Толстого, и по высочайшему уровню его начитанности, и по отдельным смысловым векторам, намеченным в его эпистолярном наследии и дневниках.

Вполне вероятно, что фамилия возлюбленного Кати Турчаниновой молодого помещика и студента *Тюрина*, выбравшего себе революционное поприще, употреблена Толстым исходя из двух зафиксированных в русских диалектах значениях этого корня. По первому значению *тюря* – ‘размазня’, а соответственно, человек, обладающий этой фамилией, может характеризоваться как вялый, безвольный, никчемный [8, с. 142]. Во втором значении, приведенном в словаре В.И. Даля, *тюрить* – ‘врать, лгать, путать, молоть’ [6, т. 3, с. 452]. Вполне вероятно, что особенности безвольной личности героя и его народнические, революционно-демократические взгляды, которым Толстой не симпатизировал и считал ложными, вводящими народ в заблуждение, соотносятся с семантикой корня, присутствующего в его фамилии.

Фамилия друга Мити Смоковникова *Махин* ассоциативно связана со значением корня, встречаемого в глаголе *махать*. Равнодушное и необдуманное отношение к жизни (*махать на все рукой, отмахиваться от проблем*) характерно герою. Вторая явно отглагольная фамилия рассказа – это фамилия крестьянина, ставшего сектантом, Ивана *Чуева*. Этот герой, поздний аналог Платона Каратаева в толстовском творчестве, интуитивно наделен способностью отличать правду от лжи, т. е. *чують истину*. Это чутье, по замыслу Толстого, помогло обрести подлинный смысл жизни не только самому герою, но и людям, оказавшимся в «поле его притяжения», – в первую очередь Степану и Прокофию.

Чуев своей фамилией воплощает одну из главных идей мировоззрения Толстого: любой грех можно искупить раскаянием и самоисправлением. *Чують* необходимо «не затем, чтобы осуждать жизнь других людей и свою, не исправляя ее, а затем, чтобы стараться с каждым днем и часом становиться хоть немного лучше, исправлять себя» [13, с. 27].

Достаточно сложные ассоциации связаны с именем и фамилией наиболее важного для Толстого героя рассказа – Степана Пелагеюшкина, воплощающего своей судьбой идею раскаяния и обретения Бога в самом себе.

Во-первых, имя *Степан*, или в общеславянской огласовке *Стефан*, восходит к греческому аналогу и буквально переводится как ‘веночек, корона, венец, диадема’. Сильный, волевой характер этого героя, потенциал богоискательства, безусловно, проявляется в его «говорящем» имени. В письме В. Ф. Булгакову о воспитании 25 мая 1909 г. Толстой говорил: «Помните всегда, что в каждом человеке живет тот же Бог, какой живет и в вас, и потому, когда сходите с человеком, кто бы он ни был, не забывайте, что выше и важнее того, что есть в этом человеке, ничего нет на свете. И потому ... самого человека, кто бы он ни был, надо почитать как Бога и любить как самого себя, и потому делать для него то, чего сам себе желал бы, если бы был на его месте» [13, с. 36]. К пониманию этого не просто трудной, а страшной, трагической дорогой приходит и Степан.

С другой стороны, вполне возможна ассоциация со Стефаном Первомучеником, одним из «апостолов от семидесяти», т. е. тем человеком, который первым пожертвовал жизнью во имя Христа. Не исключено, что мученический венец Стефана Толстой перенес на судьбу своего героя. При этом фамилия *Пелагеюшкин* как бы удваивает семантику мученичества, потому что имя *Пелагея (Пелагия)*, лежащее в основе фамилии, принадлежало многим христианским мученицам (Пелагия Антиохийская, Пелагия Тарсийская, Пелагия Дивеевская и др.). Вполне вероятно, что усиление семантики жертвенного венца в имени собственном *Степана Пелагеюшкина* совсем не случайно.

Имя *Прокофия*, героя дерзкого, самолюбивого, разрушающего свою жизнь по причине недооцененности другими людьми, вполне вероятно, ассоциативно связано с греческим значением слова *Прокофий (Прокопий)*, переводимого на русский как ‘успех, преуспевание’. Именно отсутствие вроде бы наметившегося в начале жизни успеха и приводит героя к полному краху и гибели. Гипертрофированное, но не оцененное другими людьми *Я* героя довлеет над его судьбой. В последние годы жизни Толстой много размышлял о гордыне [2, с. 250], которая очень опасна для человека и противостоять которой не могут иногда даже люди духовного сословия (эта идейная линия присутствует и в «Фальшивом купоне», и в «Отце Сергии»).

Греческие корни и у многих имен церковных служителей – героев рассказа. Так, образ праведного отца *Исидора*, безусловно, создан по типичному монашескому чину. Руководствуясь этим же принципом, Толстой подбирает и антропоним. Греческое имя *Исидор* использовалось только в специальных церковных обрядах и торжественных актах, в то время как в бытовом поле функционировал народный аналог этого имени – *Сидор*.

Таким же образом – по типичному обозначению лиц духовного звания – смоделированы имя и судьба гимназического преподавателя закона Божия *Михаила Введенского*.

Введенский – традиционная фамилия церковных служителей, восходящая к семинарскому обычаю именованию в честь церковного праздника (*Воздвиженский, Рождественский, Вознесенский* и др.). При монашеском постриге Михаил Введенский избирает себе имя *Мисаил*, которое, вероятно, ассоциируется у Толстого с именами целой группой видных христианских деятелей западной Руси XIV–XVI вв. Наиболее известным из них был Мисаил Пеструч, знаменитый киевский и галицкий митрополит униатской эпохи конца XV века, сторонник объединения церквей, переписывавшийся с римскими папами и демонстративно противостоявший московским иерархам. Вполне вероятно, что западное православное имя *Мисаил* дано Введенскому по его двойственной (и даже двурушнической) позиции в отношении сначала Мити Смоковникова, потом – сектантов. Ни в роли гимназического преподавателя, ни в роли митрополичьего посланника герой не способен понять той истины, которую ненавязчиво проповедует Толстой в тексте своего рассказа: «Во всех верах учение о том, как надо жить людям, одно и то же. Обряды разные, а вера одна. Разумный человек видит то, что едино во всех верах, глупый же видит только то, что в них разное» [13, с. 27].

За именем *Мисаил*, безусловно, скрывается негативное отношение автора к жизненным принципам героя. Необходимо указать, что есть и иная точка зрения на трактовку роли данного антропонима в тексте толстовского рассказа: [4]. Заметим также, что имя *Михаил* не наделено для Толстого отрицательной коннотацией, поэтому, видимо, писатель возвращается к нему, когда рассказывает о раскаянии и уходе от дел Введенского после бесед с отцом Исидором. Толстой, скорее всего, просто не успел проработать эту повествовательную линию до конца, вследствие чего «сюжет»

с трансформацией *Михаил – Мисаил* так и не обрел в рассказе абсолютно четких очертаний.

Фамилия Петра Николаевича *Свентицкого*, воплощающего, по мнению Толстого, ложные представления о формах успешного хозяйствования, вне всякого сомнения, связана с «польским следом» в русской истории и мировоззрении Толстого. В позднем творчестве писатель довольно часто использовал польские фамилии: *Косицкий* – в «Отце Сергии», *Бжезовский* – в «Хаджи-Мурате». Всякий раз герои, носящие такую фамилию, имеют в произведении крайне нелепую, «бестолковую» судьбу и выступают жертвами обстоятельств, которые они не могут правильно истолковать.

Толстого сильно волновал польский вопрос, но воспринимал он его не в политическом ракурсе, как это делали многие современники, а в ракурсе морально-этическом. Несчастный *Бжезовский*, обреченный Николаем I на мучительную смерть, – пример безвинной жертвы государственной самодержавной машины, не знающей пощады и не видящей в своих подданных человеческих качеств. Этот студент, не способный хорошо учиться, становится псевдотеррористом и гибнет из-за собственного легкомыслия, недалекости, неспособности просчитать последствий своих поступков.

С польскими по происхождению героями и, что естественно, с польскими фамилиями у Толстого связано представление о непонимании истинных законов жизни, о какой-то изначальной «никчемности» и неразвитости личности. Подобную линию воплощает в «Фальшивом купоне» Петр Николаевич *Свентицкий*, который много трудится, обладает большим количеством личных достоинств, но не понимает каких-то существенных основ бытия; его упорство граничит с упрямством, он незаметно переходит нравственную грань в отношениях с мужиками, из-за чего и становится жертвой крестьянской расправы (о воплощении Толстым своих ключевых идей через композицию рассказа и ракурсы представления героев подробно см.: [11]).

Женские имена в толстовском рассказе носят преимущественно фоновый иллюстративный характер. Жену неудачливого торговца дровами крестьянина Ивана Миронова зовут *Афимья*, жену мещанина, владельца постоялого двора, зовут *Матрена*. Оба эти имени содержат налет архаики и призваны создать фон народной жизни, на котором развиваются события толстовского рассказа.

Фамилии Кати *Турчаниновой* и помещиков *Ливенцовых* – это типичные фамильные антропонимы российского дворянства. Входящая в придворный круг княгиня *Софья Владимировна* в звучности своего именованья задумана воплощать любимые Толстым великосветские черты. Высокомерие этого круга мастерски показано Толстым в оценке Софьей Владимировной письма вдовы *Свентицкого* царю: *C'est tres gentil de sa parte (Как это мило)* [14, с. 204].

Мещанские имена избираются Толстым по принципу типизации представителей социальных групп. Это имена, воздействующие на читателя своей обычностью, привычностью для описываемого общественного слоя. Таковы *Евгений Михайлович* и *Марья Васильевна* – владельцы лавки фотографических принадлежностей, а также *Марья Семеновна*, содержащая на свою скудную пенсию всю семью. Заметим, фамилии этих героев в рассказе не называются, потому что для определенной им в тексте роли это вовсе не обязательно.

Встречаются в рассказе однократно упоминаемые фамилии, нужные Толстому как некие символические «сигналы жизни». Этот прием во многом предвосхищает произведения Чехова, где подобные детали являются чертами лингвопоэтики. В частности, когда Степан сознается в совершенных им преступлениях, он упоминает фамилию неких *Добротворовых*, в доме которых герой совершил убийство. Мы точно не знаем, кто из жертв Степана носил такую фамилию. Это и не важно. Фамилия *Добро-*

творовы нужна в тексте как символ того, что убийство разрушает добро в мире (*сотворенное кем-то добро*), которое, по Толстому, так ценно и которое одно может остановить цепь развития зла.

Заключение

Достаточно часто в своем рассказе Толстой заменяет имена собственные обозначением социального статуса, степени родства, профессии и т. д. Это создает специфические взаимоотношения онимов и апеллятивов в тексте [9, с. 145]. В частности, мы не получаем сведений об именах ни одного представителя погубленного Степаном семейства Марьи Семеновны. Мы знаем только, что у нее был отец, сестра, зять и племянники. Мы не знаем имен и других жертв Степана; указывается их общественное положение: извозчик, его жена, дети и т. д. Даже героев, «ведущих» свои собственные повествовательные линии в рассказе, Толстой часто именуется нарицательными словами: *плотник* Василий, *законоучитель* Введенский, *палач* Махоркин и т. д. Это далеко не случайно. В подобном случае Толстой, конечно, хочет показать определенную растворенность конкретной личности в социальном типе. Его интересует не столько частная судьба, сколько судьба группы людей, объединенных многими сходствами.

Наконец, следует отметить, что Толстой очень часто использует уменьшительные или просторечные формы имен наряду с обычными. В частности, Прокофия он регулярно называет *Прошкой*, Смоковникова-младшего почти всегда – *Митей*, дочь Еропкиных – *Лизой*, Турчанинову – *Катей* и т. д. В этом отношении Толстой продолжал стиль своих ранних и зрелых произведений, где именование героев всегда было обусловлено обычаями и установлениями социальной среды, к которой принадлежат персонажи. У крестьян и мещан имена носили простонародный характер. В дворянском сословии были распространены уменьшительно-ласкательные, шутливо-ироничные формы имен, а также домашние прозвища. То, что уже сложилось в романах и пьесах Толстого, продолжается, таким образом, и в его позднем рассказе «Фальшивый купон».

Список источников и литературы

1. Бойко М. Н. Комментарии: Л. Н. Толстой. Фальшивый купон // Собрание сочинений : в 22 т. / Л. Н. Толстой. М.: Худож. лит., 1983. Т. 14. С. 498–499.
2. Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М.: Правда, 1989. 465 с.
3. Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 224 с.
4. Григорьев В. П., Колодяжная Л. И., Шестакова Л. Л. Собственное имя в русской поэзии века. М.: Азбуковник, 2005. 346 с.
5. Гудзий Н. К. Примечания. Комментарии // Полное собрание сочинений : в 90 т. / Л. Н. Толстой. М.-Л.: ГИХЛ, 1936. Т. 36. С. 365–405.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Репринт. изд. 1882 г. М.: Русский язык, 1980.
7. Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
8. Никонов В. А. Словарь русских фамилий. М.: Школа-пресс, 1993. 180 с.
9. Печурова Е. А. О роли антропонимов и апеллятивов в повести Л. Н. Толстого «Фальшивый купон» // Л. Н. Толстой: идеи, образы, язык : колл. монография. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2015. С. 144–161.
10. Роговер Е. С. Художественное своеобразие повести Л. Н. Толстого «Фальшивый купон» // Духовное наследие Л. Н. Толстого в современных культурных дискурсах : материалы XXXV Международных Толстовских чтений. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2016. С. 105–116.
11. Романов Д. А. Особенности повествовательной структуры рассказа Л. Н. Толстого «Фальшивый купон» // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 5. С. 46–59.

12. Стоянова С. И. Повести «позднего» Л. Н. Толстого в контексте его творчества 1880-х – 1900-х гг. : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Стоянова Светлана Ивановна. М., 1994. 167 с.
13. Толстой Л. Н. Об образовании. Письмо первое. О воспитании. Письмо второе // Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого / под ред. П. И. Бирюкова. Т. 14. М.: Тип. И. Д. Сытина, 1913. С. 27–36.
14. Толстой Л. Н. Фальшивый купон // Собрание сочинений: в 20 т. Т. 14. М.: Худож. лит., 1964. С. 149–212.

References

1. Boyko, MN 1983, 'Kommentarii. L.N. Tolstoy. Fal'shivyy kupon' (Comments. L.N. Tolstoy. The Forged Coupon), Tolstoy, LN *Sobraniye sochineniy v 22 t.* (Collected works in 22 vols.), vol. 14, Khudozh. lit publ, Moscow, pp. 498-499. (In Russ.).
2. Bulgakov, VF 1989, *L.N. Tolstoy v posledniy god yego zhizni* (L.N. Tolstoy in the last year of his life), Pravda publ, Moscow. (In Russ.).
3. Vasilyeva, NV 2009, *Sobstvennoye imya v mire teksta* (Proper name in the world of text), LIBROKOM publ, Moscow. (In Russ.).
4. Grigoryev, VP, Kolodyazhnaya, LI & Shestakova, LL 2005, *Sobstvennoye imya v russkoy poezii veka* (Proper name in Russian poetry of the century). Azbukovnik publ, Moscow. (In Russ.).
5. Gudziy, NK 1936, 'Primechaniya. Kommentarii' (Notes. Comments), *Polnoye sobraniye sochineniy v 90 t.* (Complete collection of works in 90 vols.), vol. 36, GIKHL publ, Moscow, Leningrad, pp. 365-405. (In Russ.).
6. Dal', VI 1980, *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4 tt.* (Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 vols), Russkiy yazyk publ, Moscow. (In Russ.).
7. Zholkovskiy, AK & Shcheglov, YuK 1996, *Raboty po poetike vyrazitel'nosti: Invarianty – Tema – Priyemy – Tekst* (Works on the poetics of expressiveness: Invariants - Theme – Techniques – Text), Progress publ, Moscow. (In Russ.).
8. Nikonov, VA 1993, *Slovar' russkikh familiy* (Dictionary of Russian surnames), Shkola-press publ, Moscow. (In Russ.).
9. Pechurova, YeA 2015 'O roli antroponimov i apellyativov v povesti L. N. Tolstogo «Fal'shivyy kupon»' (On the role of anthroponyms and appellatives in L. N. Tolstoy "The Forged Coupon"), *L. N. Tolstoy: idei, obrazy, yazyk* (L.N. Tolstoy: ideas, images, language), Izd-vo TGPU im. L.N. Tolstogo publ, Tula, pp. 144–161. (In Russ.).
10. Rogover, ES 2016, 'Khudozhestvennoye svoeobrazie povesti L. N. Tolstogo «Fal'shivyy kupon»' (The artistic originality "The Forged Coupon" by L. N. Tolstoy), *Dukhovnoye nasledie L. N. Tolstogo v sovremennykh kul'turnykh diskursakh* Izd-vo TGPU im. L. N. Tolstogo publ, Tula, pp. 105-116. (In Russ.).
11. Romanov, DA 2023, 'Osobennosti povestvovatel'noy struktury rasskaza L. N. Tolstogo «Fal'shivyy kupon»' (Features of the narrative structure of L.N. Tolstoy "The Forged Coupon"), *Russian language at school*, vol. 84, no. 5, pp. 46–59. (In Russ.).
12. Stoyanova, SI 1994, *Povesti «pozdnego» L.N. Tolstogo v kontekste yego tvorchestva 1880-kh – 1900-kh gg.* (The stories of the "late" L.N. Tolstoy in the context of his work in the 1880s – 1900s), PhD thesis, Lomonosov Moscow State University, Moscow. (In Russ.).
13. Tolstoy, LN 1913, 'Ob obrazovanii. Pis'mo pervoye. O vospitanii. Pis'mo vtoroye' (About formation. Letter 1. About education. Letter 2), *Polnoye sobraniye sochineniy L. N. Tolstogo* (Complete Works of L.N. Tolstoy), P.I. Biryukov (ed.), vol. 14, Tip. I. D. Sytina publ, Moscow, pp. 27–36. (In Russ.).
14. Tolstoy, LN 1964, 'Fal'shivyy kupon' (The Forged Coupon), *Sobraniye sochineniy: v 20 t.* (Collected works. In 20 vols.), vol. 14, Khudozh. lit. publ, Moscow, pp. 149–212. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию: 23.08.2023
Одобрена после рецензирования: 17.10.2023
Принята к публикации: 17.10.2023

The article was submitted: 23.08.2023
Approved after reviewing: 17.10.2023
Accepted for publication: 17.10.2023